

Наталья
Солнцева

ДЕТЕКТИВЫ НАТАЛЬИ СОЛНЦЕВОЙ

- «Венера и Демон»
- «Шарада Шекспира»
- «Яд древней богини»
- «Сокровище Китеж - града»
- «Французский ангел в кармане»
- «Этрусское зеркало»
- «Московский лабиринт Минотавра»
- «Печать фараона»
- «Принцесса из Шанхая»
- «Испанские шахматы»
- «Она читала на ночь»
- «Амулет викинга»
- «Ожидай странника в день бури»
- «К чему снится кровь»
- «Опасайся взгляда Царицы змей»
- «Все события неслучайны»
- «Не бойся глубины»
- «Дневник сорной травы»
- «В Храме Солнца деревья золотые»
- «В горах ближе к небу»
- «Следы Богов»
- «Легкие шаги в Океане»
- «Свидание в Хэллоуин»
- «Последняя трапеза блудницы»
- «Кинжал Зигфрида»
- «Золотой гребень для русалки»
- «Три смерти Коломбины»
- «Отпуск на вилле с призраком»
- «Селфи с римским фонтаном»
- «Эффект чужого лица»
- «Мантия с золотыми пчелами»
- «Красный Лев друидов»
- «Копи царицы Савской»
- «Портрет кавалера в голубом камзоле»
- «Танец семи вуалей»
- «Полуденный демон»
- «Натюрморт с серебряной вазой»
- «Шулер с бубновым тузом»
- «Джоконда и Паяц»
- «Эликсир для Жанны Д'Арк»
- «Пассажирка с «Титаника»»
- «Прыжок ягуара»
- «Камасутра от Шивы»
- «Новый Декамерон»
- «Иди за мной!»
- «Дьявольский поезд»
- «Убийство в пятом варианте»
- «Подручный смерти»
- «Черный байкер»
- «Дуэль с Оракулом».
- «Роковой подарок жениха»
- «Адвокат и его женщины»
- «Лабиринт Ворона»
- «Медвежий сад»
- «Отражение нимфы»

Наталья Солнцева

Отражение нимфы

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С60

Компьютерный дизайн обложки и разработка макета
Орлова Анастасия

Портрет автора
Художник Helena Maistruk
(<http://vk.com/helenamaistruk>)

Солнцева, Наталья.

С60 Отражение нимфы : [роман] / Наталья Солнцева. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 352 с. — (Мистический детектив).

ISBN 978-5-17-111276-9

«Если деньги не могут сделать меня бессмертным, то я хотя бы попробую познать уход, привыкнуть к нему, сжиться с ним и полюбить его...»

Никому не известный художник Савва Рогожин, увлеченный загадочными культурами древних этрусков, внезапно получает предложение от мецената организовать выставку. Но накануне открытия жемчужина экспозиции — картина «Убегающая нимфа» — была украдена. Чтобы избежать грандиозного скандала, директор галереи обращается за помощью к частному сыщику Всеславу Смирнову. В это же время Смирнова просит о помощи его давний друг — у него бесследно исчезла сестра Алиса, она оставила только записку: «Ухожу в Страну чудес». Как связаны исчезновение девушки, кража картины и таинственный загробный мир этрусков, который художник Рогожин якобы видел в старинном зеркале...

Новая редатура ранее выходившей книги «Этрусское зеркало».

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-111276-9

© Солнцева Н.
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Дорогой Читатель!

Я написала уже больше пятидесяти книг.

Каждая из них — мой шаг навстречу к вам, открытие и откровение. Я пишу о мире параллельных реальностей, с которым каждый из нас, сам того не подозревая, сталкивается практически ежедневно. Просто мы привыкли не замечать его.

В моих героях вы обязательно узнаете себя и заглянете в самые сокровенные уголки подсознания. Быть может, это станет поворотным моментом в вашей жизни.

С любовью,

Наталья Солнцева

«Рожденное страстью сильнее смерти»
(из поэзии эпохи Возрождения)

Глава 1

К утру тучи разошлись, и небо стало бледно-розовым. Из-за леса медленно, торжественно вставало солнце. Верхушки деревьев тихо шумели, трава и кусты были мокрыми от ночного дождя.

В глубине молодого сосняка притаился человек. Он наблюдал за домом. Обыкновенный деревянный дом чем-то привлек его внимание.

— Ну, давай же, давай! — шептал человек. — Где же ты?

Вокруг стояла тишина, нарушаемая только птичьим чириканьем да возней насекомых. Гудели пчелы, низко пролетали зеленоватые стрекозы. Никто не входил в дом, никто не выходил из него.

— О черт! Черт! — злился человек, переминаясь с ноги на ногу.

Дом стоял безмолвный и как будто пустой. Его окна и двери были закрыты.

— Как же так? — недоумевал человек. От волнения его ладони вспотели, лоб покрылся испариной. — Что это значит? Дом давно должна окружить толпа любопытных, здесь пора стоять полицейской машине... Где же они?

Вопросы оставались без ответа.

Человек посмотрел на часы — прошло сорок минут, как он здесь. А ничего не происходило.

Солнце поднялось над лесом, осветило тревожным заревом притихший, застывший дом. Наблюдатель нервничал все сильнее, оглядываясь по сторонам и бормоча себе под нос проклятия. Его безукоризненный план срывался — бездарно, глупо. Он все рассчитал, предусмотрел, казалось, каждую мелочь, но что-то не сработало.

Прошел еще час. Солнце начало пригревать, от земли пошел пар; запахло лесной прелью, смешанной с ароматом поздних трав и сосновых игл. Человек отступил в тень, стряхнул с рукава маленького паучка, тянущего за собой тонкую паутинку. Его терпение иссякало.

«Может, сходить посмотреть, что там?» — подумал он. По телу прокатилась волна озноба. Стало дурно. Он только представил себе картину, которую застанет внутри дома, как к горлу подступила тошнота.

— Подожду еще немного, — прошептал человек.

Следующие полчаса измотали его, довели до нервной дрожи. Дом не подавал признаков жизни.

— Чего я не учел? В чем ошибся?

Человек понял, что больше не в состоянии ждать, томиться в неизвестности. Он в очередной раз огляделся по сторонам: нет ли кого поблизости? Все было спокойно.

Наблюдатель оставил свой пост и медленно, крадучись двинулся к дому. Его туфли и края брюк намокли. Он спрятался за углом, постоял минуту и скользнул к окну. Оно было закрыто изнутри. Через давно немывтое стекло ничего не просматривалось. Второе окно оказалось ничем не лучше.

Человек метнулся на крыльцо, принял к дверям — тишина. Замок поддался легко, как и в прошлый раз. Он открывался любимым гвоздем и существовал скорее как дань традиции, нежели как средство защиты. Да и от кого здесь защищаться? От воров? Так в доме братъ нечего. От злодеев? Так от них не спасешься. От случайных, пришлых

Отражение нимфы

людей? Так они дверь шутя дернут, хлипкий замочек сам и слетит.

Человек вошел внутрь дома, плотно прикрыл за собой дверь. В воздухе витал странный, непривычный запах — запах пыли, старых вещей, свечей, дерева и тонких дорогих женских духов. Непрошенный гость замер, прислушиваясь к бешеному стуку своего сердца. Горло свело, затылок стал тяжелым, свинцовым.

Надо было идти вперед, и человек пошел, вздрагивая от каждого скрипа, шороха. В горнице, которую он не рассмотрел этой ночью в темноте, царил легкий беспорядок — вещи разбросаны, повсюду следы безалаберной, неряшливой жизни. На деревянной стене висели старомодные ходики, их стрелки показывали полночь — точку безвременья. Ходики застыли в полночи, как будто их остановила рука самой судьбы. Сумрачный свет полосами падал через грязные стекла. Под потолком кружились, монотонно жужжали мухи.

Человек заставил себя повернуть голову влево... Кровать была примята, но пуста. Пуста?! Не может быть! Ему показалось, что потолок стремительно летит вниз, все рушится, раскалывается на тысячи мельчайших осколков. Холодный пот побежал по спине, ноги приросли к полу. Сколько он простоял так, вне себя от ужаса?

— Где же ты? — спрашивал он кого-то невидимого. — Это невозможно, невозможно!

Тугая волна страха сковала его, скрутила в ледяной жгут, перехватила дыхание.

— Это невозможно! — твердил он как безумный. — Так не бывает! Где ты прячешься? Ты здесь... я знаю. Не надо меня пугать. Ты не можешь уйти отсюда...

С трудом отрывая ноги от пола, человек обошел весь дом, обшарил каждый уголок, заглянул в шкаф и под кровать. Никого...

— Может быть, ты здесь?

Он подошел к громоздкому, тяжеленному сундуку, судорожно перекрестился и рывком откинул пыльную крышку. В сундуке валялись побитые молью валенки, облезлая кроличья шапка, рядом и обломки прялки.

— Господи! — пробормотал незванный гость, хотя никогда не верил в бога. — Спаси и помилуй!

То, что он нынешней ночью оставил в доме, необъяснимым образом исчезло. Все получилось не так, как он предполагал. Совсем не так!

В голове не было ни одной мысли, только жуткая, гулкая пустота. Такая же мертвая пустота легла на сердце, придавила его, как могильный камень. Исподволь, ниоткуда пришло понимание: не будет ему ни прощения, ни спасения. Все! Отзвенели колокола! Он привычно отогнал ощущение нависшей опасности, предчувствие скорой, неотвратимой и страшной гибели. Расплата близка...

— Нет! — упрямо, зло шептал он. — Не так просто! Не так быстро! Меня не запугаешь...

В доме стояла настороженная, угрожающая тишина. Человек нервно оглянулся, втянул голову в плечи и, стараясь ступать неслышно, пошел к выходу. Он не знал, что ему теперь делать, что думать, куда податься.

Выскользнув из дома, он тенью метнулся к лесу, нырнул в его спасительную чащу, побрел, не разбирая дороги. Дом остался позади. Он молча смотрел вслед человеку — мрачный, угрюмый, хранящий свою тайну.

* * *

Господин Чернов не отходил от телефона, а ожидаемого звонка все не было. У него разболелась голова. Ему с самого начала не понравилась эта затея с выставкой, но... спонсор предложил весьма приличное вознаграждение за организацию вернисажа, и Чернов согласился.

— Надо доверять себе, своей интуиции, — держась за сердце, сам с собой разговаривал Анисим Витальевич. —

Отражение нимфы

И не брать в расчет проклятые деньги, сколько бы их ни сулили!

Это была трудная задача для Чернова. Деньги он любил намного сильнее, чем творчество, и ради них забросил карьеру художника. Он пописывал мрачноватые пейзажи с претензией на изысканную, рафинированную интеллектуальность, но не нашел среди московской публики достойного признания и решил посвятить себя искусствоведению. Критиковать и легче, и куда приятнее, чем самому быть объектом критики. Анисим Витальевич в полной мере испил чашу унижения на своей первой и последней авторской выставке, когда чванливые посетители с брезгливым и несколько презрительным выражением на лицах бродили по полупустому залу, а маститые художники вовсе не явились, хотя Чернов сам, лично, разослал им персональные приглашения. Они, видите ли, сочли выставку начинающего, никому не известного автора недостойной их драгоценного внимания!

Подобное пренебрежение сломило творческий дух господина Чернова, и он раз и навсегда поставил на занятиях живописью жирную точку. Художник уступил место критику и дельцу от искусства. Анисим Витальевич писал статьи в журналы, консультировал покупателей картин, наладил связи с коллекционерами и пять лет назад создал собственную небольшую фирму со скромным названием «Галерея».

Фирма эта занималась организацией художественных выставок на деньги авторов или спонсоров. При соответствующей ловкости, рекламе и, главное, щедрых финансовых вливаниях можно было расхвалить и продать любую мазню. Многие любители, которые не имели таланта, но заработали достаточно денег, решили наконец явить плоды своих трудов публике. Им-то и помогал Чернов и его «Галерея».

Продажа картин была делом второстепенным. Заказчиков интересовало другое — известность, возможность

ощутить себя своим в творческой среде, окунуться в нее, вкусить лавров духовных, потому как денежные амбиции были давно удовлетворены и потеряли актуальность. Когда материальные потребности реализованы, наступает очередь потребностей души. Так что работы фирме «Галерея» хватало.

Анисим Витальевич прекрасно понимал своих клиентов, умел щадить их самолюбие, тонко лавировать в разговорах и без излишней, видимой лести выказывать свое восхищение их «самобытным, оригинальным творчеством». Он научился угождать этим людям так, что они не замечали его угодливости. Он делал для них то, в чем они нуждались, и «Галерея» процветала.

Очередной заказ свалился как снег на голову, когда господин Чернов собирался провести дней десять на берегу Средиземного моря. Билеты уже были куплены, жена уложила чемоданы, и тут планы Анисима Витальевича резко изменились.

Ему позвонил посредник, который назвался Геннадием, и назначил встречу в ресторане «Богема», где частенько обедал и ужинал Чернов. Бесстрастно-вежливый, с ледяным блеском в глазах, посредник произвел на хозяина «Галереи» жутковатое впечатление.

— У господина, интересы которого я представляю, есть поручение к вам, уважаемый Анисим Витальевич, — сказал Геннадий, слегка наклоня прилизанную голову. — Нужно организовать выставку работ малоизвестного, но необычайно талантливого художника. Думаю, к концу августа вы справитесь.

— Я уезжаю в отпуск, — робко пробормотал Чернов, избегая смотреть посреднику в глаза. — В мое отсутствие делами занимается господин Шумский, мой заместитель и компаньон. Так что обратитесь пока к нему.

— Желательно, чтобы эту работу сделали именно вы, — блеснул глазами посредник, вытащил из кармана толстый

конверт и придвинул по клетчатой скатерти к Чернову. — Это аванс, — пояснил он.

Толщина конверта поразила Анисима Витальевича. Стараясь сдержать дрожь в руках, он приоткрыл конверт, увидел пачку долларов и тут же опустил деньги в большой внутренний карман пиджака, предназначенный именно для таких случаев.

— Ну как, беретесь? — усмехнулся Геннадий. — Судя по всему, я могу доложить моему поручителю о вашем согласии.

Хозяин «Галереи» кивнул головой, изо всех сил сохраняя приветливо-деловое выражение лица. Ради такого заработка отдых придется отложить. Невелика беда, в октябре они с женой поедут куда-нибудь в Тунис, когда спадет ужасающая жара и опустеют переполненные туристами отели. Так будет даже лучше.

— Могу я узнать имя вашего поручителя? — приободрившись и обретая былую уверенность, поинтересовался Чернов. — Желательно знать, кому оказываешь услугу.

— Не все желания сбываются, — резко, без улыбки ответил Геннадий. — Господин, которого я представляю, будет общаться с вами через меня. Ведь самое главное — своевременная и щедрая оплата ваших усилий, драгоценнейший Анисим Витальевич, не так ли? Вы не пожалеете о нашем взаимовыгодном сотрудничестве, уверяю вас.

Чернов подавил комок в горле и судорожно кивнул. Явственно прозвучавшая в голосе посредника угроза парализовала его волю. С сильными мира сего лучше быть покладистым. В конце концов, какая ему разница, кто платит? Наверное, некий богачей «продвигает» свою любовницу или любовника. В последнем случае огласка особенно нежелательна. Если же заказчик имеет отношение к политике, тем более он будет сохранять инкогнито. Возможен еще один вариант: бизнесмен сам является автором выставляемых работ и хочет скрыть этот факт... по разным причинам.

— Меценатство может быть бескорыстным, — словно прочитал его мысли Геннадий. — Из любви к искусству.

Последняя фраза прозвучала с затаенным сарказмом.

— Я могу узнать хотя бы имя художника? Или автор тоже желает остаться неизвестным?

— Отчего же? — вскинул жидкие брови посредник. — Имя художника я вам сообщу. Это некий Савва Рогожин, проживающий в подмосковном поселке Лоза. Приходилось слышать?

Анисим Витальевич задумался. Где-то он слышал фамилию Рогожина, но в связи с чем? Кажется, художник ничем не выдающийся, работающий в какой-то редкостной манере, абсолютно непопулярной в богемных кругах столицы.

— А какого рода живопись э-э... господина Рогожина? — решил уточнить хозяин «Галереи». — Есть ли необходимость устраивать...

— Организуйте все по высшему разряду, — перебил его Геннадий. — И не экономьте средства, в этом нет необходимости. Кстати, переданный мной аванс предназначен лично вам, а деньги на устройство выставки будут завтра перечислены на счет вашей фирмы.

Анисим Витальевич еще больше удивился, но виду не подал. Щедрость заказчика казалась неслыханной. Мысли замелькали, путаясь и сбиваясь, опережая одна другую. Савва Рогожин *любовницей* неизвестного господина быть никак не мог. Значит, любовник? Не мешало бы посмотреть на него — «голубизну» не спрячешь, она накладывает определенный отпечаток на личность, который не заметить невозможно, особенно при наметанном глазе. А у Чернова был именно такой. Он привык к среде творческих людей, которые не признавали устоев и ограничений, ибо талант свободен в своем проявлении. Впрочем... возможно, художник Рогожин — внебрачный сын мецената или... «Что зря гадать? — одернул себя Анисим Витальевич. — Встречусь, пообщаюсь, тогда и сделаю выводы».

На следующий день позвонил Геннадий и передал пожелания заказчика.

— Мой поручитель просит устроить фуршет для всех желающих... посетителей выставки, разумеется, — сухо усмехнулся он. — И еще. Пригласите на вернисаж музыкантов: чтобы это непременно были флейтисты и... исполнители на старинных щипковых инструментах.

— Каких именно? — удивился Чернов.

— Ну, я не знаток... — лениво ответил Геннадий. — Вам виднее.

И положил трубку.

— Черт! — выругался Анисим Витальевич. — Странные прихоти, однако, у этого мистера Икс!

— Он платит, — заметил Шумский, партнер Чернова по бизнесу. — И весьма щедро. Ты сам поедешь к Рогожину или это сделать мне?

— Сам!

Анисим Витальевич не выносил переполненных электричек и отправился в Лозу на своей машине. Он долго петлял по пыльным, утопающим в садах улочкам. Солнце садилось. Верхушки деревьев горели в его закатном золоте.

Художник Рогожин проживал на втором этаже двухэтажного деревянного дома старой постройки. Двор зарос рябиной и высокими, отцветшими акациями; на крыльце дома сидел огромный рыжий кот, щурился и помахивал хвостом.

Чернов с опаской поднялся по темной скрипучей лестнице к обшарпанной, выдавшей вида двери, постучал. За дверью стояла сонная, тоскливая тишина... Анисим Витальевич постучал уже не осторожно, а громко и решительно. Где-то в недрах квартиры зародились непонятные звуки, постепенно превращаясь в шаги по разошедшимся половицам.

— Кто там? — спросил хриплый, настороженный голос.

Анисим Витальевич почувствовал себя неловко.